

**ТЕОРИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ: НАУЧНАЯ ШКОЛА
В.А. ЛЕФЕВРА
(К 70-летию В.А. Лефевра)**

Ю.Н. КАРАНДАШЕВ, доктор психологических наук, профессор, действительный член Балтийской педагогической академии, профессор кафедры психологии ИПНК НАН Беларуси

Диван был транслятором. Он создавал вокруг себя М-поле, преобразующее, говоря просто, реальную действительность в действительность сказочную.

*«Понедельник начинается в субботу»
Братья Стругацкие*

Мое знакомство с В.А. Лефевром началось с прочтения книги «Алгебра конфликта» (авторы В.А. Лефевр, Г.Л. Смолян), выпущенной издательством «Знание» в 1968 году. Далее была «Конфликтующие структуры» (В.А. Лефевр), изданная годом ранее. Эти книги были буквально «проглочены». В них меня потрясла какая-то необычная простота подхода, отличающая его от всего того, что было прочитано ранее по психологии и философии. Из одной мысли вытекала следующая, и не возникало сомнения в их причинно-следственной связи. Доказательность анализа была потрясающей, шокирующей, вызывающей следовой рефлекс. И мне захотелось этим заниматься до такой степени, что я подготовился, и, сдав экзамены, стал студентом факультета психологии Ленинградского государственного университета. Полагаю, «зерно» упало в подготовленную почву и проросло. Иначе я просто не могу объяснить того влияния, которое оказали на меня эти две книги.

Опираясь на традицию, существующую в методологии науки, и на анализ видов знания, легко прийти к выводу о необходимости существования семи уровней научного исследования с соответствующими им критериями истины: концептуальный (импликативность); метасистемный (когерентность); общесистемный (референтность); теоретический (корреспондентность); эмпирический (верификативность); методический (эффективность) и практический (релевантность). Соответственно, всех психологов можно поделить на семь чистых типов (один уровень), шесть смешанных (два уровня) и пять очень смешанных (три уровня). Наиболее распространенным типом является *эмпирический*: он возводит саму процедуру проведения исследования эмпирического

исследования в своего рода культ и за пределами чистого описания, феноменологии объекта исследования ничего не видит. Вторым типом является *практический*: множество различного рода тренингов, психотерапий и тому подобное. И в этом тоже есть свой культ: понимания между этими типами нет. Третий тип – *методический*: к нему относятся педагогически ориентированные психологи и, собственно, педагоги. Их «конек» – это разработка, модификация и использование методов обучения, воспитания, развития. Четвертый тип – *теоретический* – уже малочислен: это те, кто пробует что-то объяснить, то есть встать над феноменологией и найти в рамках психологии какую-либо закономерность. Чаще всего это происходит путем пристройки к уже существующим теориям и их модификации. Этот тип психолога в массовой психологической поп-культуре не приветствуется: не понятно, чем «эти теоретики» занимаются и какой от них прок. Следующие два типа, в отличие от «теоретиков», с научной психологией мало связаны. Так, *концептуальный* тип уходит в заоблачные выси философских рассуждений в надежде, что изучаемые им категории и принципы когда-нибудь и кому-нибудь пригодятся. *Метасистемный* тип строит типологии и классификации, но не реальных отношений, а возможных, что также не способствует его близости к брэнной земле. Остается еще один тип – *общесистемный*. О нем и пойдет речь в нашем случае.

Общая теория систем, системный подход, междунанучная интеграция есть все понятия, в рамках которых развивается *общесистемный уровень исследования*. Чертами, отличающими его от теоретического уровня, являются универсальность, то есть отрыв от специфики психологии как науки, и анализ возможных

отношений. Чертами, отличающими данный уровень от метасистемного, являются отнесенность предлагаемого описания к действительности и его конструктивизм. Естественно, данный тип психолога, в силу хотя бы его одиозности, оказывается на обочине развития психологической науки. Но именно он и определяет стратегию ее развития: «определяет» не в смысле «заказывания музыки», а в смысле предсказания неосознанного или сознательного хода ее ближайшего развития. Именно к этой категории психологов относится Владимир Александрович Лефевр.

Центральное понятие в теории рефлексивных процессов Лефевра – *понятие осознания*. Это не значит, что до него этого понятия не существовало. Оно, конечно, было и в психологии, и в философии. Более того, данное понятие даже существовало в виде рефлексии, определяемой как мысль о мысли. Но все это относилось к философскому понятию отражения вообще, в котором никакой дифференциации, кроме филогенетической или онтогенетической, не проводилось.

Однако философский, то есть концептуальный, уровень не тяготеет к конструктивизму, а потому «мысль о мысли» не порождает представления «Х думает, что Y думает о T», а тем более, не вызывает представления формулы T_{yx} . Лефевр же, глядя на феноменологию человеческого сознания, описанную в литературе, как в художественной, так и философской, задался одним-единственным вопросом: если сознание – это всего лишь отражение и если отражение есть предмет отражения, акт отражения и образ отраженного предмета, то почему сознание должно содержать в себе что-то большее, чем множество этих отражений. Сделайте образ отраженного предмета новым предметом отражения и вы получите двойное отражение. Чтобы не мучаться со словами, обозначьте предмет буквой T, образ его в субъекте X через T_x , введите операцию умножения отражений, сделав ее ассоциативной (чтобы не нарушалась последовательность актов отражения), и вы получите зачатки рефлексивной алгебры. Добавьте к этому еще операцию сложения (для обозначения факта сосуществования рефлексивных цепочек), и вот уже алгебра рефлексивных процессов готова. Но смелость Лефевра, как автора теории рефлексивных процессов, граничит с отчаянной безрассудностью. Свести феноменологию человеческого сознания к этому простейшему конструкту – значило сделать вызов всем, кто в большей или меньшей мере работает в

области психологии. Это значило сказать им: «Ребята, что-то вы в своей науке не очень понимаете: или излишне усложняете предмет своего исследования, или как-то не так подходите к нему. Ведь наука – это не там, где занимаются процессом исследования, а там, где получают научные объяснения».

Социальный детерминизм говорит нам: человек – пустое, социальная ситуация сама находит своих героев. Не этот – так другой: кто-нибудь, да поднял бы это знамя и понес его вперед. Весьма сомнительный тезис! Зерно должно упасть на удобренную почву, иначе оно не прорастет. Должен был родиться, воспитаться и образоваться кто-то, кто бы был пригоден на эту роль – роль исследователя, работающего на общесистемном уровне. Напрямую научиться этому у кого-то было невозможно, так как подобной научной школы и традиций не существовало (хотя влияния были). Поэтому безусловная заслуга Лефевра состоит в том, что он имел для этого талант и начал его реализовывать. Про таких людей часто говорят, что, мол, они на это как бы запрограммированы, а потому какой-то их личной заслуги в этом вроде бы и нет. Однако при этом забывается, что каждое ключевое решение (научное или житейское), принимаемое талантливым человеком, неординарно, а потому требует от него значительных усилий. Придавить в себе гидру конформизма и тем самым освободить мысль дается далеко не всякому и дорого стоит самому таланту.

В моей памяти свежи две личные встречи с Лефевром. Первая состоялась через сравнительно короткое время после прочтения его книг. Я приехал в Москву, на факультете психологии МГУ узнал, как мне найти Лефевра. Связавшись с ним по телефону, был приглашен на встречу. Предметом нашей беседы было мое восхищение его теорией и возможности ее приложения к понятию децентрации, описанному Ж. Пиаже, исследованиями которого я в то время увлекался. В ходе встречи к нам присоединился В.Е. Лепский, входивший в состав исследовательской группы Лефевра. Вторая встреча состоялась лет через пять, уже в мою бытность в Ленинграде, и, по-моему, случилось это в лаборатории рефлексивных процессов. Я рассказал Лефевру о своих экспериментах (уже довольно многочисленных), проведенных над детьми дошкольного возраста. С особым трепетом храню сборник статей «Проблемы эвристики» (1969) и «Конфликтующие структуры» второго издания (1973) с дарственной надписью автора. Припоминаю еще одну, более

позднюю встречу, но уже с А.Ф. Трудолобовым, членом исследовательской группы Лефевра, однако это было уже после 1974 года.

С юных лет мне хочется просто объяснять сложные вещи. Полагаю, этим и только этим должна заниматься наука. Поэтому искренне удивляют исследователи, для которых простое объяснение сложных вещей не является целью их научной деятельности. Глубокую антипатию вызывают ученые, для которых сам факт их занятий научной деятельностью, а зачастую даже просто принадлежность к клану психологов, является достаточным основанием для того, чтобы ставить себя выше других и тем самым самоутверждаться. Как уже упоминал, в годы своей научной молодости увлекался работой Ж. Пиаже и предлагаемыми им объяснительными конструктами (понятия группы, группировки, алгебры). Именно в этот период и пришла ко мне лефевровская алгебра рефлексивных процессов, оказавшаяся значительно более совершенной и близкой к действительности, чем абстрактные конструкции, используемые Пиаже. Можно сказать, формализм осознания, предложенный Лефевром, длительное время был для меня (и в определенной степени остается таким и сегодня) идеалом научного описания. Идеалом потому, что от него всего два-три шага до моделирования. Естественно, на память приходят игровые автоматы, а точнее говоря, алгоритмы рефлексивного поведения, которые создавались и проверялись в группе Лефевра. Более того, и сам внес лепту, описав последовательность смены алгоритмов игрового поведения в игре «чет-нечет» для детей дошкольного возраста, которые были потом использованы для диагностики уровня развития детей от 3 до 7 лет.

Результатом моих увлечений формализмами Лефевра стала досрочная защита в 1972 году, то есть через три года после поступления в университет, дипломной работы «Тактильно-кинестетическая модель распознавания образов», выполненную на материале машинных экспериментов. Через три года защитил кандидатскую диссертацию «Проективные представления у детей – начальный этап становления познавательной рефлексии». Проективные представления вызвали устойчивый интерес в связи с тем, что они возникают как результат представления объекта ребенком через пространственную позицию другого человека. Ф.Н. Шемякин, один из самых авторитетных специалистов в области психологии пространственных представлений, с которым длительное время переписывался и встречался, говорил, что мои

«проективные представления» являются лучшим продолжением развиваемого им направления.

Однако суть дела состоит не в том, что понятие пространственного представления развернулось до понятия проективного представления, а в том, что вся психология, являющаяся до этого индивидуальной психологией, начала становиться психологией социальной. «Социальной» не в смысле группы людей, а в смысле социальности, диалогичности сознания индивида, которая возникла благодаря овладению рефлексивными структурами. Ранее существовавшее и довольно аморфное понятие социализации благодаря формализму Лефевра приобрело четкость и ясность, появились слова «идентификация», «эмпатия», «вчувствование» и, наконец, «рефлексия». Этот переворот в психологии произошел в 80-х годах, но не сразу, а постепенно, и значительная доля заслуги в этом принадлежит именно Лефевру. Это он толкнул камень, который зацепил другие, в результате чего индивидуальная психология человека лавинно стала превращаться в социальную психологию человека. Таким образом стал меняться ее понятийный аппарат.

Являлся ли Лефевр в этом плане единственным и исключительным? И да, и нет. Да, потому что он оказался в нужном месте и в нужное время. Нет, потому что этот процесс социализации психологии начался много раньше. В моей библиотеке есть ксерокопия первого тома книги немецкого автора Г. Гюнтера «Идея и перспективы неаристотелевой логики» под названием «Идея и ее философские предпосылки» (1959). Конечно, мы знаем о существовании так называемых многозначных логик, где значения «истина-ложь» не абсолютны, а относительны, и характеризуются определенными условиями. Однако Гюнтер прямо заявляет о системе «Я-Ты», в рамках которой значения «истина-ложь» выступают как прямо противоположные: истинное для Меня оказывается ложным для Тебя, и наоборот. Сознание индивида оказывается задано диалогом между Я и Ты, между которыми потом и начинают разворачиваться рефлексивные процессы Лефевра. Более того, Гюнтер выпустил еще одну книгу, под названием «Сознание машин». В ней средствами логики прямо доказывает, что человеческое, то есть диалогическое, сознание моделируемо, что оно не является исключительной принадлежностью *homo sapiens*. Однако то же самое заявляет и Лефевр, говоря о космическом субъекте. Говорить здесь о какой-то непосредственной преемственности, конечно,

не приходится, но подчеркнуть специфику методологического уровня исследования, на котором работают и Гюнтер, и Лефевр, просто необходимо. Действительно, с переходом от теоретического уровня анализа к общесистемному уровню появляется универсальность, независимость от непосредственного носителя сознания, каковым в нашем конкретном случае выступает *homo sapiens*. Поэтому в случае Гюнтера имеем переход к сознанию машин, а в случае Лефевра – к космическому субъекту. Это продолжение логической темы «истина-ложь», развиваемой в многозначной логике «Я-Ты» Гюнтера находит свое отражение и в «Алгебре совести» Лефевра.

Еще раз хочу подчеркнуть, что речь идет не о прямом наследовании, а об общности направления, в рамках которого исследователи могут двигаться параллельно, но со сдвигом во времени.

Мое отношение к В.А. Лефевру носит неоднозначный характер. С одной стороны, оно окрашено эмоционально положительно, поскольку связано с моей научной молодостью и, можно сказать, любовью к себе молодому (что в какой-то степени оправдывает эту эмоциональность).

С другой стороны, Владимир Александрович близок мне по духу, то есть принадлежит тому же общесистемному методологическому уровню, на котором стараюсь работать сам. Не следует думать, что подобная близость часто встречается: это скорее счастливое исключение, чем правило. С третьей стороны, очевидна его роль в исторической перспективе. И, наконец, как мне кажется, вижу, куда и во что движется и превращается научная школа Лефевра, интегрируясь со всей системой современного научного знания. Правда, роль пророка – не самая лучшая роль, да и пророки ошибаются в своих предсказаниях. Однако, считаю, что дело движется к моделированию человеческого сознания, выполненного в материале, отличном от биологического. Во всяком случае, стараюсь этому способствовать.

В завершение своих мыслей и воспоминаний хочется еще раз выразить Владимиру Александровичу Лефевру глубочайшую признательность за то, что он был и есть в моей научной жизни, что он столько сделал для психологической науки, что создал мощную научную школу, принадлежность к которой я постоянно в себе ощущаю.